

УДК 159.98

Кузовкин В.В.*(г. Москва)*

НУЖНА ЛИ НАМ КЛИЕНТОЦЕНТРИРОВАННАЯ
ПСИХОТЕРАПИЯ?
ЕСЛИ ДА, ТО КАКАЯ? (КРИТИЧЕСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ)

Аннотация. Данная статья посвящена кризису идентичности клиентоцентрированных психотерапевтов в нашей стране, начавшийся в начале 1990-х гг. и продолжающийся в наши дни, и некоторых возможностях его преодоления. Статья представляет собой критическое осмысление ряда исторических событий, связанных со становлением, развитием клиентоцентрированной психотерапии и консультирования в нашей стране, произошедших после посещения СССР К. Роджерсом в 1986 г., а также в связи с прошедшим в 2010 г. XI Международным форумом по человекоцентрированному подходу в России.

Ключевые слова: К. Роджерс, клиентоцентрированная психотерапия и консультирование, кризис идентичности клиентоцентрированных психотерапевтов, личностный рост

V. Kuzovkin*(Moscow)*

DO WE NEED CLIENT CENTERED PSYCHOTHERAPY?
IF SO, WHICH ONE IS RIGHT? (CRITICAL COMPREHENSION)

Abstract. This article is a conversation on the topic of the identity crisis of Russian client-centered psychotherapists which started at the beginning of the 1990s and is going on till now. Besides, some possibilities of crisis overcoming are also mentioned in the article. The article is a critical comprehension of a number of historical events, connected with formation and development of the client-centered psychotherapy and counseling in Russia after C.Rogers's visit to the USSR in 1986 and connected with the 2010 XIth International Forum on person-centered approach in Russia.

Key words: C.Rogers, client-centered psychotherapy and counseling, an identity crisis for person-centered psychotherapists, personal growth.

В нашей стране до 2010 г. клиентоцентрированная психотерапия и консультирование (далее – КЦП) с трудом пробивали себе путь. Они были разработаны К. Роджерсом в конце 30-х гг. XX в., первоначально

получили название как недирективная психотерапия и консультирование и постепенно перестроены в человекоцентрированный подход (далее – ЧЦП). Можно утверждать, что своё начало и КЦП, и ЧЦП в целом в нашей стране ведут с визита К. Роджерса в Москву с 10 сентября по 15 октября 1986 г. Принимающей стороной был НИИ общей и педагогической психологии АПН СССР в лице её директора А.М. Матюшкина [36].

В статье-отчёте «В мире советского профессионала» [30], написанной К. Роджерсом совместно с сопровождавшей его в поездке Р. Сэнфорд, дан достаточно полный отчёт о тех событиях в Москве. Авторы констатируют, что в ходе мероприятий прошли встречи почти с двумя тысячами человек.

К. Роджерс и Р. Сэнфорд пишут: «Прежде всего, в каждой из ситуаций мы проверяли научную психологическую гипотезу, но проверяли её не в лаборатории, а в жизни. Коротко говоря, гипотеза состояла в том, что если существуют определённые условия (каждое из которых можно определить и даже измерить), то возникает определённый процесс, характеристики которого можно описать. Более того, люди могут своими собственными глазами наблюдать и своими собственными ушами слышать, переживать в своём опыте подтверждение или неподтверждение этой гипотезы. В соответствии с советской терминологией, это был настоящий научный опыт, и это обстоятельство часто упоминалось в их реакциях на семинар» [30].

По утверждению ведущих, в группе «интенсива» был создан климат, в котором в четырёхдневный период произошли видимые изменения в установках и поведении её участников, которые, в свою очередь, также отметили эти изменения [30].

Отклики свидетелей этих групп представляют интерес, т. к. они позволяют, с одной стороны, проникнуться той атмосферой, которая царила в этих группах, с другой – оценить эффективность предложенного метода, с третьей стороны, являют собой самоотчёт об опыте, приобретённом в группе, что может рассматриваться как исследовательский инструментальный для выявления эффективности произведённого воздействия.

Особый интерес вызывают отчёты А.Б. Орлова, Т.П. Гавриловой и Т.В. Снегирёвой, воспоминания Л.А. Петровской, записанные в её интервью М. Котэ, а также краткие справки участников, представленные в вышеназванной работе К. Роджерса и Р. Сэнфорд [4; 12; 24; 30].

В книге «О групповой психотерапии» такой вид исследования обозначен К. Роджерсом как «личностный феноменологический» и, с его

точки зрения, является более ценным, в отличие от традиционного эмпирического подхода, т. к. он позволяет произвести глубокий анализ последствий участия в группе, особенно если проанализировать все ответы. Такая «информация, – утверждает К. Роджерс, – гораздо важнее каких-либо количественных данных вроде величины расхождения в сотую процента между показателями участников и членов контрольной группы, не участвовавших в психотерапии...» [34, с. 178].

Однако для непосвящённого читателя хотелось бы отметить, что обращение к феноменологическому исследованию последствий участия в психотерапевтических группах (группах встреч) не означает, что К. Роджерс пренебрежительно относился к объективному методу исследования. Наоборот, в своей книге «Взгляд на психотерапию. Становление человека» [31], состоящей из статей, написанных в разное время и объединённых единой тематикой, раскрывающей сущность ЧЦП, большое внимание уделяется использованию объективного подхода к исследованию эффективности и результативности КЦП. Но это тема отдельного исследования.

Без преувеличения можно сказать, что посещение К. Роджерсом СССР отмечено точкой отсчёта «гуманизации» московских психологов и создания в стране Ассоциации гуманистической психологии. Подтверждение этому мы находим на страницах книги «Психология с человеческим лицом: гуманистическая перспектива в постсоветской психологии», вышедшей под редакцией Д.А. Леонтьева и В.Г. Щур в 1997 г. [29].

Однако продвижение идей К. Роджерса в рамках Ассоциации имело место в той или иной степени. После описанной встречи К. Роджерса с советскими психологами потребовалось время на осмысление этого события, прежде чем у сообщества уже отечественных психологов созрела необходимость получать информацию и обучаться практике КЦП.

Появление переводов книг «О групповой психотерапии» [34] в 1993 г., «Взгляд на психотерапию. Становление человека» [31] в 1994 г. и «Клиентоцентрированная терапия» [32] в 1997 г. ознаменовало новый толчок к освоению КЦТ К. Роджерса.

Так, например, в «Московском психотерапевтическом журнале» в 1994 г. выходит статья А.Б. Орлова «Фасилитатор и группа: от интерперсонального к транс-персональному общению» [26], которая, с нашей точки зрения, очень гармонично дополняет книгу К. Роджерса «О групповой психотерапии», усиливая её понимание. А.Б. Орлов опирается на описание развития группового взаимодействия, характерного для «групп встреч», представленного в работе К. Роджерса, а также на опыт

своего участия в группах встреч, проводившихся высококвалифицированными фасилитаторами (К. Роджерсом, Н. Роджерс, Р. Сэнфорд, С. Спектор, М. Боуен, Ф. Мейси), и личный опыт фасилитации таких групп. В статье учёный предпринимает попытку, во-первых, вычленить и достаточно детально описать основные этапы группового процесса, и, во-вторых, проанализировать, с одной стороны, картину намерений и конкретных действий, переживаний и чувств руководителя (фасилитатора) группового процесса, а с другой – феноменологическую картину групповой ситуации на каждом из выделенных этапов.

Здесь обратим внимание на то, что подавляющая часть трудностей и проблем клиентов, обращающихся за психологической помощью, связаны со взаимоотношениями между людьми. Поэтому преодоление их более продуктивно в масштабе группы, а не терапевтических отношений сугубо между терапевтом и клиентом (на это указывает К. Роджерс, а в последующем и другие авторы – Д. Кори, Н. Хоббс, В.В. Кузовкин, Р. Кочунас, А.Б. Орлов и др.) [11; 14; 17; 26; 27; 34; 40].

Например, К. Роджерс [34] утверждал, что личностный рост возможен только в условиях социальных отношений, которые обеспечивают человеку обратную связь относительно проявлений его личности, т. е. во взаимодействии с другими людьми. В его работах, как пишет А.Б. Орлов [27], изменения, происходящие с клиентами, представляются в виде последовательности стадий изменения межличностных отношений в ходе психотерапии. При этом концепция основной встречи базируется на вере в возможность позитивного конструктивного личностного роста в атмосфере безоценочного позитивного принятия, эмпатии и конгруэнтности. Психотерапевт создаёт эти условия. А что касается других участников группы, то в развивающемся взаимодействии, при хорошей организации данного процесса, они начинают усваивать те паттерны поведения, которые демонстрирует психотерапевт. Тогда сами участники группы становятся психотерапевтами друг для друга: взаимное оказание помощи становится психотерапевтическим.

Н. Хоббс указывает на ещё один важный аспект групп встреч, учёт которого позволяет делать процесс групповой работы более эффективным, – это развитие тематики как необходимое условие развития группы. Наличие тем для обсуждения в группе, их эмоциональность и значимость для участников группы – показатель доверия группе и возможности изменений, которые могут произойти в результате их обсуждения [40].

Наравне с созданием необходимых и достаточных условий для личностных изменений участников группы, важным фактором эффектив-

ности группового процесса является структурирование работы группы психотерапевтом.

Если в книге «О групповой психотерапии» К. Роджерс структурирует процесс групп встреч и описывает его посредством 15 стадий, то А.Б. Орлов предлагает структуру процесса из 6 этапов, которая, с нашей точки зрения, близка к подходу самого К. Роджерса, но упрощает её и делает более логичной и приемлемой для понимания: 1 – знакомство участников группы и ощущение фрустрации из-за отсутствия структуры; 2 – первые попытки самораскрытия и личностное сопротивление этому, описание прошлых, более безопасных событий и чувств; 3 – открытое выражение негативных переживаний; 4 – выражение любых переживаний, возникающих «здесь и теперь»; 5 – попытки исследования личностно значимых тем и проявления самопринятия; 6 – основная встреча [26; 34].

Ещё одно событие, о котором нельзя не упомянуть, говоря о развитии КЦП в нашей стране вообще и в частности групп встреч, особенно после появления названных выше публикаций. В 1995 г. А.У. Хараш набирает группу развивающего психологического тренинга, в которую входят и люди желающие освоить групповой метод КЦП – группы встреч К. Роджерса, и люди (реальные клиенты), нуждающиеся в психологической помощи.

Осмывая сегодня это событие, можно сказать, что набор в группу и само прохождение терапии осуществлялось по классической схеме самого К. Роджерса и в лучших традициях организации и проведения подобных групп. После прохождения клиентского уровня те, кто имел психологическое образование, остались для дальнейшего обучения в психотерапевтической мастерской, где материалы сессий клиентской группы, записанные на видеопленку, стали предметом их детального обсуждения.

Таким образом, делая промежуточный вывод, хочется отметить, что и приезд К. Роджерса в СССР, и появление примерно через семь лет перевода его книги «О групповой психотерапии», создали условия для развития уже в России групповой психотерапевтической практики, основанной на его идеях. Но до сих пор можно констатировать отсутствие целостных руководств и разрозненность литературы по группам встреч. Однако есть личный опыт проведения групп встреч отдельными психологами, которым можно делиться.

Что касается выхода книги «Взгляд на психотерапию. Становление человека» в 1994 г., то она была адресована всем тем, кто считает, что то, что в ней представлено, может быть использовано ими в их профессио-

нальной деятельности. К. Роджерс имел ввиду психологов, психиатров, учителей, воспитателей, школьных психологов, служителей религии, социальных работников, дефектологов, руководителей промышленности, специалистов по управлению людьми, ученых в области политики и др.

В развитии идей данной книги К. Роджерса не менее важным событием, с моей точки зрения, стал выход в 1995 г. книги Ю.Б. Гиппенрейтер «Общаться с ребёнком. Как?» [5]. Эта книга фактически может рассматриваться как практическое руководство по реализации идей К. Роджерса, который полагал, что воспитание детей с безусловным позитивным вниманием обеспечивает основу для их становления как полноценно функционирующих взрослых [41].

В своей книге Ю.Б. Гиппенрейтер понятным языком, с убедительными примерами рассказывала читателю, как общаться с ребёнком, не вызывая у него протеста или раздражения. При этом она очень удачно адаптировала идеи К. Роджерса и внятно рассказала о придуманной им технике «активного слушания», превратив её в простые и логичные правила, помогающие строить каждодневный диалог в семье с ребёнком. Тем самым каждая семья получила инструмент для закладки фундамента полноценно функционирующей личности в ребёнке.

Значимым этапом развития идей К. Роджерса в России стало открытие в 1994 г. в Москве по инициативе Б.С. Братуся и В.П. Криндача Высшей школы гуманитарной психотерапии. В то время ещё две структуры в Москве занимались психотерапевтическим образованием: факультет психологического консультирования и психотерапии Ф.Е. Василюка и В.Н. Цапкина, а также Академия психотерапии Е.А. Спириной.

Отмечу, как ученик школы 2-го выпуска, что не каждый желающий мог стать её слушателем. В.П. Криндач считал, что отбор должен происходить по критериям склонности к поддержке, культурному и интеллектуальному уровню, психологической выносливости. Отдельное внимание уделялось наличию у кандидатов в ученики некоторых «почти врождённых черт», дарований, которые у терапевта «либо есть, либо нет и не будет»: сердечности, подлинного (а не профессионального) интереса к людям. В.П. Криндач считал их определяющими успех работы свойствами личности терапевта (каков ты сам), противопоставляя растущей популярности психотерапевтических технологий (как действовать). К ним же он относил «швейцеровское благоговение перед жизнью», и «глубинную полифонию» и терпимость к инаковому (глубокую демократию, по А. Минделлу) [15].

Одним из курсов, который осваивался слушателями школы на протяжении целого семестра, был курс «Гуманистическая клиент-центрированная психотерапия К. Роджерса». И тогда, и сегодня, когда правопреемником школы стал Центр помогающей психологии «Линия времени» под руководством Л. Осиповой и Е. Улитовой (кстати, с самого открытия школы они были её учредителями совместно с Б.С. Братусем, В.П. Криндачем и ведущими преподавателями), данный курс преподается как курс базовых навыков психологической поддержки и рассматривается как первая ступень освоения программы интегративной психотерапии.

Однако, несмотря на вышеперечисленные события, КЦП в нашей стране не суждено было устояться как самобытному направлению в психотерапии. Например, автору данной статьи не известно ни одного его сокурсника, ни по Высшей школе гуманитарной психотерапии, ни по группе А.У. Хараша, который бы практиковал в чистом виде КЦП. Однако можно ошибаться. Как правило, они используют эклектический подход либо другой метод, наиболее понятый и принятый в ходе изучения.

Здесь хотелось бы отметить, что на данную ситуацию мы можем посмотреть через особенности формирования профессиональной идентичности клиентоцентрированного консультанта, психотерапевта в России.

Согласны с Р. Хаттерером, который говорит о том, что для того чтобы человекоцентрированный подход выжил и процветал, клиентоцентрированным терапевтам необходимо отчетливо ощущать уверенность в своём подходе и свою идентичность внутри него. Он выражает беспокойство по поводу того, что терапевты, прошедшие человекоцентрированные обучающие программы, нередко продолжают поиски своей идентичности и профессионального успеха, осваивая более эклектичную манеру проведения терапии, и видят преимущества в интеграции техник из различных подходов, зачастую в ущерб человекоцентрированным принципам. Некоторые даже приходят к заключению, что допущение Роджерса о «необходимых и достаточных условиях» не работает в терапевтической практике [39].

Но беспокойство Р. Хаттерера связано с тем, что происходит уже после обучения. В отечественных же подходах к обучению психотерапии, на наш взгляд, уже на начальных этапах становления психотерапевтического образования закладывался кризис идентичности не только клиентоцентрированных психотерапевтов, но и специалистов любого другого направления, т. к. такое обучение уже изначально носит характер интегративный, т. е. эклектический.

Р. Хаттерер тем не менее без всяких оговорок рассматривает притягательность эклектического подхода как кризис идентичности клиент-центрированного психотерапевта. Он утверждает, и с ним нельзя не согласиться, что терапевт без достаточно сильного профессионального Я, не обученный основам человекоцентрированной теории и философии, не поддерживаемый ощущением успеха и профессионального удовлетворения в терапевтической работе с клиентами, не может защитить свою профессиональную идентичность от различных влияний. И, соответственно, обречён искать пути преодоления этой ситуации в эклектике [39].

Хотелось бы сказать ещё об одной тенденции, которая не вписывается в наше понимание происходящего с развитием КЦП в отечественной терапии и более подробно описана в статье «Некоторые аспекты истории развития клиентоцентрированной психотерапии и консультирования в России» [18].

С одной стороны, если проанализировать статьи в научных и научно-практических журналах, то в них можно увидеть лишь отдельные упоминания о КЦП, особенно в связи с очередным юбилеем К. Роджерса. В статьях же об исследованиях психотерапии на К. Роджерса либо вообще не ссылаются, либо упоминают вскользь. Хотя у него как ни у кого другого очень чётко прописаны возможности исследования эффективности и результативности психотерапии [31; 34].

С другой стороны, во всех программах подготовки психологов теория личности К. Роджерса представлена как значимая часть гуманистической психологии, как правило, в паре и даже в сопоставлении с идеями А. Маслоу. Ни один учебник или учебное пособие, написанное тем или иным автором по истории психологии, психологическим теориям личности или по консультативной психологии (в последнее десятилетие приобретшая статус дисциплины в курсе подготовки психологов и отрасли психологического знания), не обходит стороной теорию и практику, разработанную К. Роджерсом.

При этом в разных источниках часто утверждается, что данная теория и практика являются по силе сопоставимыми с теорией и практикой З. Фрейда, а сам К. Роджерс признаётся наиболее влиятельным психологом.

Так, А.Б. Орлов пишет, что «психотерапевтическая система, созданная Роджерсом, занимает вторую позицию (после психоанализа Фрейда) в рейтинге наиболее распространённых и влиятельных психотерапевтических систем» и что «велико число психологов-консультантов» [39].

тантов, работающих в русле человекоцентрированного подхода» [25, с. 306].

Или В.В. Колпачников, обращаясь к данным авторитетного международного издательства «Psychotherapy Networker», утверждает, что «наиболее влиятельным психологом второй половины XX в. является основатель человекоцентрированного подхода К. Роджерс». «Каждый современный психолог, – продолжает В.В. Колпачников, – признает влияние идей и практики этого подхода на собственное профессиональное становление» [9, с. 208].

Второе, по нашему мнению, более отвечает действительности и в России.

Руководитель же Харьковской школы клиентоцентрированной психотерапии А.С. Кочарян более критичен и менее оптимистичен в отношении влиятельности идей К. Роджерса как в России, так и в Украине и в дальнем зарубежье. Он утверждает, что «приезд К. Роджерса в СССР вызвал волну интереса к клиентоцентрированной терапии, но своего самостоятельного места в ряду других психотерапевтических модальностей она всё ещё не получила. В Российской психотерапевтической лиге (РПЛ) среди перечня аккредитованных модальностей (а их уже более 40 – К.В.) клиентоцентрированная психотерапия появилась лишь в декабре 2009 г. В Украине данная модальность официально признана Украинским союзом психотерапевтов, однако, её актуальное состояние и распространённость/популярность оставляет желать лучшего» [13, с. 76].

Здесь разделяем позицию А.С. Кочаряна и считаем, что КЦП, во всяком случае, в нашей стране, не заняла ведущих позиций в системе психотерапевтических модальностей, хотя и не заслуженно.

Поразмыслим, почему так, обозначив в начале три момента, которые требуют развёрнутого анализа.

1. Критика КЦП ввиду отсутствия серьёзной теоретической основы.

2. Вписывание КЦП в различные психотехнические системы, размывание её границ и отрицание самобытности.

3. Игнорирование процессуальной стороны КЦП.

Рассмотрим их более подробно.

Во-первых, КЦП К. Роджерса очень часто подвергается критике ввиду того, что не имеет серьёзной теоретической основы. А это, в свою очередь, не может не отстранять от неё думающих практиков.

Так, А.С. Кочарян говорит о том, что «клиентоцентрированный подход не имеет специфической развёрнутой теории – слишком мало

объяснительных схем и не артикулировано соответствующее концептуальное пространство». Он упрекает К. Роджерса за идею «тотальности тенденции к самоактуализации, которая действует как на уровне кристаллов, так на уровне человека». «Это, — пишет А.С. Кочарян, — Мировой разум, если хотите, Бог. Такие абстракции привлекательны за счет простоты и экономности мышления, но совершенно не отвечают принципам верифицируемости и фальсифицируемости — их истинность невозможно ни подтвердить, ни опровергнуть. Поэтому клиентоцентрированный психотерапевт немножко сказочник. Причём все его сказки монотематичны — о «волшебной силе любви». И конструирует он их, невзирая ни на содержание проблемы, ни на характерологию клиента, ни на уровень расстройств, ни даже на его возраст. Проявив безразличие к патогенезу, структуре и уровню расстройств, клиентоцентрированная терапия оказывается «всеядной»: её используют при решении супружеских, сексуальных, невротических и психосоматических проблем. Более того, она применяется для лечения традиционно толерантных к любому виду психотерапии проблем» [13, с. 76].

Совершенно не согласны с высказанным мнением. С нашей точки зрения, психотерапия, оставленная нам К. Роджерсом, имеет все необходимые атрибуты для того, чтобы считаться научно обоснованной теорией. С другой стороны, К. Роджерс, как пишет об этом Р. Хаттерер, «был антидогматичен». Антидогматичные установки мы находим «в его многочисленных упоминаниях опасности институционализировать человекоцентрированную психотерапию, и в его опасениях по поводу возможности превращения человекоцентрированного подхода в ригидную и самодостаточную школу, которая, вместо того, чтобы развиваться, занимается защитой собственных позиций» [39, с. 295].

Заметим, что последнее не означает, что К. Роджерсом не предпринимались усилия для защиты своего подхода от неправильного понимания. Он был заинтересован во всё более детальной и дифференцированной его проработке, расширении сферы применения, прояснении центральных концепций. В работах психолога чётко обнаруживается приверженность базисной философии, к которой он относился как к открытию. Эта философия уходит корнями в прикладную феноменологию, в кратком изложении утверждающая: «Кем мы являемся и что мы делаем, отражает наш субъективный опыт переживания мира и самих себя. Внешняя реальность может стать известна только через внутреннюю реальность личного опыта» [6].

Поэтому К. Роджерс остаётся в большей степени приверженцем

индуктивного метода познания в противовес дедуктивного, который нацелен и на верифицированность, и на фальсифицированность научного знания.

К сожалению, в последнее время наблюдается тенденция, когда психологи пытаются примерять на себя медицинские модели видения человека, ставят диагнозы, интерпретируют симптомы и выстраивают стратегии терапии, исходя из этого. Думаем, что это связано с отсутствием стандартов подготовки психологов-консультантов.

Такие попытки осуществляются и в рамках КЦП в России.

Так, с 2000 по 2005 г. в Москве под руководством действующих членов Австрийского общества научной клиентоцентрированной и Разговорной психотерапии (ÖGwG), реализовывалась программа профессиональной подготовки по специальности «Клиентоцентрированная психотерапия». От имени ÖGwG каждому члену группы был присуждён статус дипломированных психотерапевтов по обозначенной выше специальности.

В 2007 г. усилиями этой группы специалистов было создано Сообщество клиентоцентрированных психологов-консультантов и психотерапевтов (СКПП), ведущей целью которого, согласно информации на сайте СКПП, «является интеграция, поддержка и развитие теории, практики и профессионального образования КЦП в России» [42]. При этом деятельность СКПП поддерживается и супервизируется специалистами ÖGwG. Утверждается также, что «впервые группа российских психологов получила возможность перенять «из первых рук» мастерство учителей и обрести полноценное образование в области КЦП в полном соответствии с «Законом о психотерапии» Австрии и признаваемое в других странах Западной Европы» [42].

Хочется сразу отреагировать: причём здесь «Закон о психотерапии» Австрии, если мы находимся в России, и о каком мастерстве из «первых рук» идёт речь, если КЦП – это изобретение американских специалистов, но никак не австрийских?

Кроме того, СКПП как преемник ÖGwG в России развивает клиническое направление КЦП и соответствующий ему учебный курс в Москве. В связи с чем с 2009 г. СКПП сотрудничает с факультетом психологического консультирования МГППУ, где в 2009 г. учебный курс получил статус программы профессиональной переподготовки: слушатели, успешно завершившие программу и защитившие дипломную работу, получают диплом МГППУ государственного образца о профессиональной переподготовке по направлению «Клиентоцентрированная психотерапия».

По поводу последнего тоже хотелось бы высказать наше мнение. С одной стороны, то, чем занимается СКПП, не вызывает сомнения в пользе для развития в нашей стране психотерапевтической теории и практики в целом. Но, с другой стороны, волнует ситуация, которая связана с уходом от центральной линии философии самого основателя КЦП. Австрийское ÖGwG, а вслед за ним, и СКПП, с нашей точки зрения, уводит отечественного психолога от основополагающих моментов КЦП, пытается навязать под благими намерениями усиления эмпатии, эмпатического понимания клиента понимание важности и необходимости достаточного знания о психических нарушениях и их возникновении.

Не случится ли (если уже не случилось) так, что люди с медицинским образованием будут рассматривать КЦП как медицинскую область психотерапевтического знания, опуская, как ненужные, наработки самого К. Роджерса, который создавал свою психотехническую систему в противовес медицинской модели?

Известно, что в первые годы своего профессионального становления К. Роджерс задавался вопросом: «Как я смогу вылечить или изменить этого человека?», а в последующем он перефразировал этот вопрос: «Как создать отношения, которые этот человек может использовать для своего собственного личностного развития?» И как только он его поставил, то осознал, что его имеющиеся знания применимы к любым человеческим взаимоотношениям [31, с. 75].

Таким образом, К. Роджерс, уйдя от медицинской модели психотерапии и нозологического видения проблем людей, стремился, говоря словами А.Б. Орлова, «предельно психологизировать психотерапевтическую практику (критика медицинской модели, медицинской диагностики и медицинского видения человека как пациента, превращение пациента в клиента, а затем в человека)» [27], а также стремился «сместить центр психотерапевтической проблематики с лечения, избавления от симптомов и адаптации на исцеление как обретение целостности человека со всем его потенциалом, как его самореализации» [27]. А.Б. Орлов утверждает, что «К. Роджерс пересматривает не только содержание и цели психотерапевтической практики, но и представление о её основном средстве, в качестве которого в человекоцентрированном подходе выступает фасилитация личностного роста» [27].

Несмотря на многочисленные попытки девальвации идей К. Роджерса, очевидно, что он внёс своими работами значительный вклад в психологию личностного роста – направление, которое получило распространение в современной психологии, в т. ч. практической. Его обширные исследования касались сущности, характеристик, направле-

ния, целей и природы этого процесса, а также условий его актуализации и осуществления в процессе психотерапии. Основными составляющими концепции личностного роста К. Роджерса являются: положение об определяющей роли опыта в существовании личности; положение об изначально позитивной, социализированной, рациональной, реалистичной природе человека и стремлении к актуализации этой природы; понятия внутриличностных образований, таких, как «Я-концепция», «Я-идеальное», «Я-реальное» и др., и представления о взаимодействии между ними (конгруэнтность, процесс организмической оценки); выделенные К. Роджерсом терапевтические условия, способствующие личностному росту, представления о его структуре, направлении движения и критерии («возможные конечные пункты») [16; 22].

Например, К. Роджерс в статье «Взгляд терапевта на хорошую жизнь. Полноценно функционирующий человек» в книге «Взгляд на психотерапию. Становление личности» высказал идеи о критериях личностного роста, выраженных им в характеристиках «полноценно функционирующего человека», живущего «хорошей жизнью». Термин «полноценно функционирующий» применяется им для обозначения людей, которые используют свои способности и таланты, реализуют свой потенциал и движутся к полному познанию себя и сферы своих переживаний. «Хорошую жизнь» он определяет с точки зрения своего опыта работы с людьми как «процесс (а не состояние бытия – К.В.) движения по пути, выбранному человеческим организмом, когда он внутренне свободен развиваться в любом направлении». К. Роджерс определил и описал следующие основные личностные характеристики, общие для полноценно функционирующих людей: *открытость опыту; стремление жить полноценной жизнью в каждый её момент; доверие к своему организму; свобода выбора в жизни; творчество* [31, с. 233-247].

Тем не менее К. Роджерс не даёт точного определения личностного роста. В своей диссертационной работе я попытался обобщить его идеи и определил сущность личностного роста (возможно, так это сделал бы и сам К. Роджерс) как процесс становления человека «всё более собой» (более полноценно функционирующей личностью, «своим организмом»), идущий по направлению от возможной внутренней разобщённости со своим внутренним опытом, «организмическое» восприятие которого затруднено искажающим влиянием «Я-концепции», к «конгруэнтности» – состоянию, когда потенциально любой внутренний опыт свободно осознаётся как собственное «Я» и человек полноценно переживает подлинность своего индивидуального бытия как процесса самоактуализации [16; 22].

Уход от медицинской модели привёл К. Роджерса к попытке представить результативность процесса психотерапии через те качества, которые обретает клиент и которые могут быть замечены терапевтом. Исходя из таких наблюдений, была выработана «Шкала процесса психотерапии».

К. Роджерс провёл много часов, стараясь без предвзятости слушать записи психотерапевтических бесед, пытаясь понять процесс изменения и получить представление о нём. Он искал элементы, которые служили бы признаком изменения или характеризовали его. И, по мере знакомства с живыми фактами изменений, у него возникло представление, что это особого рода континуум, и что индивиды движутся не от комплекса устойчивых качеств или гомеостаза через изменение к новым устойчивым качествам, а более важную последовательность составляет переход от неподвижности к изменчивости, от застывшей структуры к потоку, от статики к динамике.

В результате К. Роджерсом была сформирована гипотеза о том, что качества высказываний клиента в какой-либо момент времени могут указывать на его положение в этом континууме и показывать, где он находится в этом процессе изменений.

Постепенно у К. Роджерса сформировалось представление о процессе, состоящем из 7 стадий. Он стал понимать, что каждый клиент в целом демонстрирует типы поведения, которые группируются в относительно узком диапазоне на шкале этого континуума.

По наблюдению К. Роджерса, путём сбора данных о качествах переживаний клиента возможно определить, где находится данный индивид в континууме личностных изменений, когда он чувствует себя в атмосфере полного принятия.

Обратим внимание на ошибку, которую часто допускают при изучении практики КЦП: представленные 7 стадий в «Шкале процесса психотерапии» являются не стадиями процесса КЦП, а стадиями изменений, которые происходят с клиентом в процессе её прохождения.

Шкала процесса психотерапии подробно описана К. Роджерсом в статье «Понятие о психотерапии как о процессе» в книге «Взгляд на психотерапию. Становление личности» [31, с. 172-208].

Думаем, что даже исходя из вышесказанного, вряд ли можно утверждать, что «клиентоцентрированный подход не имеет специфической развёрнутой теории». Более того, он также обладает теоретически обоснованной и эмпирически проверенной практикой.

Приведём дополнительные факты в противовес высказываниям скептиков. Во-первых, в 40–50-х гг. возникла гуманистическая психо-

логия, как «третья сила» в противоположность уже сложившимся к тому моменту направлениям в психологии — бихевиоризму и психоанализу. В манифесте Американской ассоциации за гуманистическую психологию подчёркивалось, что с самого начала гуманистическая психология занималась изучением тех способностей и возможностей человека и тех категорий человеческого существования, к которым никогда не обращались ни позитивизм, ни бихевиоризм, ни психоанализ. В их ряд входят такие понятия, как *психическое здоровье, любовь, творчество, самоактуализация, личностный рост, высшие ценности бытия, открытость опыту, ответственность, смысл, трансцендентальный опыт* и другие, близкие перечисленным. В целом речь шла о психологии, целью которой явилось изучение *здорового, способного к творчеству и полноценному функционированию* человека.

А К. Роджерс, как известно, стоял у истоков становления гуманистической психологии. Следовательно, терминология, которая применялась в данном направлении, не могла не отличаться от терминологии, применяемой в других направлениях психотерапии.

Во-вторых, большая проблема возникает, когда теорию и практику К. Роджерса пытаются вписывать в некие психотехнические системы. Такая ситуация предсказуема и описана историками психологии [7; 19].

Суть этой ситуации заключается в том, что различные теории психологии (психоанализ, бихевиоризм, гештальтпсихология, гуманистическая и когнитивная психология), а также их психологическая практика могут свободно сосуществовать и даже развиваться либо благодаря взаимной конструктивной критике, либо ассимилируя идеи друг друга. Выполнение роли общепсихологической теории, по утверждению А.Н. Ждан [7], оказывалось в истории психологии не по силам ни одному из направлений, и поэтому неизбежно наступал следующий этап, когда они были вынуждены ассимилировать идеи других подходов. Так возник гуманистический психоанализ, когнитивный бихевиоризм и др.

В литературе по психотерапии утверждается, что осуществляются немногочисленные попытки интеграции различных психотерапевтических направлений посредством создания метатеории более высокого уровня и отказа от ортодоксальных точек зрения [38].

Отметим, что в отечественной психологии такие попытки предпринимались в рамках психотехнического подхода [2]. В роли такой метатеории могут выступить переработанные под новую задачу культурно-историческая теория Л.С. Выготского и деятельностный подход А.Н. Леонтьева, психотехнические, по мнению Ф.Е. Василюка, по своей сути и содержанию.

В рамки данного подхода вписывается и роджерсианский подход. И тогда появляется понимающая психотерапия, разработчиком которой является Ф.Е. Василук [2].

Есть и другие попытки создания своих психотерапевтических систем, вмещающие в себя различные подходы, в т. ч. и роджерсианский: В. Криндач – *гуманитарная психотерапия*; Е. Улитова, Л. Осипова – *интегративная психотерапия*; А.Б. Орлов – *эссенциальная психотерапия*; В.В. Архангельская – *индеририктивная психотерапия* и т. д. [1; 28].

А. Сегрера в докладе на XI Международном форуме по человекоцентрированному подходу представил различные варианты «вплетения в ткань» клиентоцентрированной терапии разных терапевтических модальностей, не исключая классический, или чистый вариант: экспириентальный (акцент на исследовании переживания, в частности, это фокусирование Ю. Джендлина); процессуально-экспириентальный (акцент на привлечении ресурсов различных направлений); экспрессивный (акцент на использовании элементов искусства, движения, тела); аналитический (ассимиляция клиентоцентрированных принципов в психоаналитической работе); бихевиоральный (акцент на развитии навыков, например, эффективного родителя, эффективного управленца и т. п.); системный (привлечение идей системной семейной терапии. В частности, это работы Ю. Крижа) [13].

К. Роджерс в своё время предвосхищал описанные выше явления в развитии психотерапии и консультирования. Он как исследователь интересовался терапией, объективно эффективной для клиента. По словам самого К. Роджерса, значение исследований психотерапии заключается «в том, что растущее число объективно проверенных знаний о психотерапии приведёт к постепенной кончине «школ» психотерапии, включая и эту (КЦП – К.В.)». И далее: «из этого вырастет более эффективная и постоянно изменяющаяся психотерапия, которая не будет иметь какого-то особого названия и не будет в нем нуждаться» [31, с. 327].

Когда же в практической психологии существует тенденция к сохранению различных подходов, особенно зарекомендовавших себя как эффективных, то возникает необходимость отстоять человекоцентрированный подход, и в частности КЦП, как самобытное явление психотехнической практики.

И тогда можно предположить, что такая ситуация размывания границ КЦП различными другими видами терапий обусловлена, к сожалению, недостаточной осведомленностью в методе К. Роджерса и несформированной убежденностью в его самобытности, а не попыткой создания единой системы психотерапии. Что влечёт за собой то,

что большинство психологов-практиков вместо того, чтобы развивать и совершенствовать КЦП, пытается отвергать её как отдельный метод, говоря о размытости принципов и техник, изучая технологичные НЛП, гештальттерапию и др. методы, в крайнем случае, вписывая «триаду Роджерса» в разрабатываемую каждым психологом-практиком свою эклектическую систему.

В-третьих, в существующем потоке информации о теории и практике К. Роджерса удивляет обращение в каждом без исключения учебнике к «триаде К. Роджерса», но без серьёзного её осмысления: как правило, говорится о том, что есть необходимые и достаточные условия для выстраивания эффективных отношений между людьми. Но именно «триада» являет собой главенство всего подхода К. Роджерса к человеческим отношениям, включая психотерапевтические. Однако заметим, что наравне с процессуальной стороной взаимодействия консультанта с клиентом (включая этапы построения психотерапевтического процесса и применяемые на этих этапах техники), о которой в этих учебниках или не сказано ничего, или сказано так, что понять то, что представляет собой практика К. Роджерса, невозможно. И это приводит в недоумение психологов, изучающих КЦП как один из ведущих методов оказания психологической помощи.

«В чём же суть данного метода?», – задают вопрос пытливые психологи и, не получив ответа ни от ведущего занятия преподавателя, ни в учебнике, отказываются от углублённого изучения данного метода и принятия его как инструмента работы с клиентом. При этом психологи вспоминают о том, что следует быть эмпатийным, безоценочным и безусловно принимающим клиента, при этом не очень понимая, как это делать, или понимая по-своему, в т. ч. субъективно понимая сами эти три условия.

Тем не менее сам К. Роджерс свою книгу «Консультирование и психотерапия» [33], которая, к сожалению, стала доступна российским психологам только в 2000 г., посвятил процессуальной стороне КЦП, описав этапы и техники, которые применяются на этих этапах. Однако чтобы подчеркнуть значение терапевтического отношения и базовых условий, необходимых и достаточных для эффективных взаимоотношений психолога и клиента, сам К. Роджерс и многие авторы-представители КЦП преуменьшали или сводили на нет роль методов и техник.

В последующем в ряде статей зарубежных авторов, переведённых на русский язык [3; 6; 8; 23], и отечественных исследователей [17; 19; 20; 21; 27] продолжает звучать тема необходимости обращения к процессуальной стороне КЦП.

Так, например, В. Кайль пишет: «С профессиональной, равно как и этической точки зрения, не позволительно делать вид, что личностно-центрированная терапия может осуществляться без методической компетенции или без профессиональных коммуникативных навыков» [8].

С нашей точки зрения, у клиентоцентрированного консультанта должен быть сформирован образ процесса проводимого им консультирования. И в этом плане представляют интерес исследования, которые осуществляет Н.А. Скоробогатова – разработчик концепции образа процесса психологического консультирования [37]. Данная концепция может стать искомым инструментом для рефлексии специалистом собственной профессиональной идентичности, а также руководством к действию и средством научного познания своих действий, обеспечить понимание внутренних механизмов происходящего в процессе оказания психологической помощи, в т. ч. посредством КЦП.

Разговор о процессуальной стороне КЦП должен стать в перспективе отдельной темой для обсуждения на страницах журналов. Отметим лишь следующее. Как в психоанализе З. Фрейда существует основное правило, которое чётко обозначено как *свободное ассоциирование*, следуя которому пациент должен свободно, без утаивания высказывать всё то, что приходит на ум, не критикуя и не пытаясь сосредоточиться; это основная процедура психоанализа. Так в КЦП К. Роджерса можно представить, по аналогии с фрейдовским, основное правило – *эмоциональное высвобождение*, которое рассматривается как основная процедура на всех этапах прохождения курса психотерапии клиентом [19; 33].

В завершение размышления о причинах того, почему КЦП, во всяком случае, в нашей стране, не заняла ведущих позиций в системе психотерапевтических модальностей и возможностях преодоления такового положения, может стать полезным мой собственный опыт обретения идентичности клиентоцентрированного психолога-психотерапевта.

Мне повезло: у меня были хорошие учителя, под чутким руководством которых я, начиная с 1995 г., приобщался к идеям и практике КЦП К. Роджерса, теперь почитаемого мной. К ним я отношу А.У. Хараша, у которого я проходил развивающий тренинг (аналог групп встреч), а также В. Криндача, Л. Осипову и Е. Улитову – руководителей Высшей школы гуманитарий психотерапии, под руководством которых я осваивал психотерапевтическую и консультационную работу, в т. ч. КЦП. Это было удивительное время – время поиска своей профессиональной идентичности как психолога-практика, психолога-консультанта, психолога-психотерапевта!

Далее, начиная с 1997 г., моими учителями были мои клиенты, которые обращались за психологической помощью. Ошибки, казалось бы, неразрешимые, которые допускались мной при первых шагах в применении КЦП, становились поводом для поиска ответов в работах самого К. Роджерса, перечитываемых мной постоянно и сегодня. И каждый раз, обращаясь к его работам, я находил что-то новое, то, что ускользало при предыдущих прочтениях.

И, конечно же, (с 1999 по 2002 гг.) моими учителями были слушатели «Школы базовых технологий» при одном из негосударственных учебных заведений в г. Химки, с которыми я вёл 80-часовой курс «Клиентоцентрированная психотерапия и консультирование», а в последующем, с 2002 по 2013 гг., – студенты-психологи ряда вузов, которым я и мои коллеги преподавали дисциплины «Консультативная психология и психотерапия» и «Групповые формы психологической работы» в рамках специализации «Психология социальной работы» и «Психологическое консультирование», где большое внимание мной уделялось именно индивидуальной и групповой (группы встреч) КЦП.

Кроме того, с 2007 г. со студентами, обучающимися по программе магистерской подготовки и со слушателями в системе дополнительного образования (повышения квалификации) по специальности «Психологическое консультирование» я веду курсы «Клиентоцентрированная психотерапия и консультирование», «Теория и практика клиентоцентрированного консультирования и психотерапии».

Преподавание этих разнообразных курсов для различных по своей мотивации аудиторий также стало практическим опытом освоения, осмысления и более глубокого проникновения в теорию и практику КЦП К. Роджерса.

В моём сознании навсегда запечатлены 10 вопросов, предложенных К. Роджерсом в его книге «Взгляд на психотерапию. Становление личности» [31, с. 92–99], над которыми, с моей точки зрения, психолог-практик должен поразмышлять, чтобы отрефлексировать свою идентичность как клиентоцентрированного психотерапевта.

Особым моментом моего постижения КЦП стало осмысление той важности, которое несёт в себе принятие самим клиентом ответственности на себя за появление на терапии. Речь идёт о начальной стадии терапии [33].

Предполагается, что клиент совершил поступок, обратившись за помощью. Он может отрицать независимость своего поступка. Но если это выстраданное решение, то оно может привести прямо к терапии. Вначале также консультант даёт понять, что не имеет готовых ответов

на запрос клиента, но что ситуация консультирования сама по себе обеспечивает клиенту возможность при поддержке консультанта выработать собственное решение его проблемы. И что ответственность за шаги, которые необходимо осуществить, или решения, которые нужно принять, лежат сугубо на клиенте – субъекте своей жизни [33].

К. Роджерс говорит о том, что незначительные события часто служат столь же благоприятной почвой для самопонимания, как и те, что представляются более значительными. В данном случае работа с ответственностью клиента за его появление в кабинете психолога может показаться незначительной. Однако, как утверждает К. Роджерс, и в этом я согласен с ним, «если подразумевается, что консультант или некое третье лицо ответственно за то, что клиент оказался на приеме у терапевта, то чуть ли не единственными приемами здесь являются внушение и советы. Но если клиент берет на себя ответственность за то, что пришел сюда, он также принимает и ответственность за работу над своими проблемами» [33, с. 40–41].

Фрагмент такой работы показательно представлен в монографии К. Роджерса «Консультирование и психотерапия». Он представляет интервью с Артуром, мальчиком, которого прислали на консультацию [33, с. 39–41]. На занятиях со студентами мы очень подробно рассматриваем этот случай.

Процесс осмысления клиентом ответственности, возникнув в начале, разворачивается на протяжении всей КЦП. Консультант должен доверять клиенту и верить в его возможность быть ответственным за свою жизнь, свой личностный рост.

С данной мыслью созвучно высказывание о процессе КЦТ А.Н. Романина, который утверждает, что практическая реализация психотерапевтической концепции К. Роджерса заключается в последовательной передаче ответственности за решение проблем клиента самому клиенту. Психотерапевт лишь создаёт для этого необходимую атмосферу и ненавязчиво способствует этому процессу как консультант, поощряя шаги в правильном направлении и устраняя сомнения [35].

Мне не раз приходилось сталкиваться в своей консультационной практике с ситуацией, когда клиент прекращал после первой встречи терапию, осознав, что главная причина неудовлетворяющей его ситуации в профессии, семейной и личной жизни – нежелание брать на себя ответственность и перекладывание на близких или ещё кого-либо решение своих проблем. Таким ключом к пониманию этого и была работа на первой сессии с ответственностью клиента за появление на терапии и за поиски выхода из своей сложной ситуации.

«Несомненно, – пишет К. Роджерс, – клиент уходит без какого-либо искусственного «решения» своей проблемы, но с более ясным видением своего положения. Способный выработать необходимое решение и с приятным чувством уверенности, что кто-то понял его и, не взирая на его проблемы и чувства, смог принять его таким» [33, с. 190].

Завершая размышления о происходящем сегодня с КЦП в нашей стране, хочу представить еще два важнейших события, вытекающих одно из другого, и обозначенных А. Сегрерой как «новая эра для ЧЦП в России» [36], которые требуют критического осмысления: XI Международный Форум по ЧЦП, прошедший в 2010 г. в России, и образование Российского общества ЧЦП.

Форум стал знаковым событием в истории развития КЦП в нашей стране. Появилась возможность максимально большому числу российских психологов лично повстречаться с выдающимися представителями ЧЦП. И если в 1986 г. К. Роджерс дал мощный импульс развитию гуманистической психологии и психотерапии в России, то миссией Форума, по задумке его организаторов, стало обновление данного импульса. И это удалось!

Форум дал возможность специалистам обсудить идеи и поделиться опытом в различных формах – сообщениях, докладах, семинарах, мастерских, малых группах встреч и т. д. По свидетельству участников Форума, глубина, творческий потенциал, вдохновение, эмпатия и эмпатическое слушание, конгруэнтность, безусловное позитивное принятие, обмен опытом и рост – интеллектуальный, эмоциональный и духовный – были неотъемлемыми особенностями его атмосферы.

Интерес, в т. ч. с исторической точки зрения, вызывает и то, что происходило на Форуме, а также его итоги: и то и другое подробно представлено в статьях одного из организаторов Форума В.В. Колпачникова [9].

Одно из решений Форума, воплощенное в жизнь – образование Российского общества ЧЦП.

В январе 2011 г. В.В. Колпачников и Ф.Е. Василюк выступили с идеей создания общества, и вместе с А.Б. Орловым выступили его учредителями. В мае прошла первая встреча учредителей, на которой обсуждались цели, задачи и направления деятельности Общества, возможности международного сотрудничества.

29 сентября 2011 г. в Большой аудитории Психологического института РАО состоялось учредительное собрание общества и встреча участников группы К. Роджерса и Р. Сэнфорд. Знаковым явилось то, что они проходили ровно через 25 лет после визита К. Роджерса, практически в

те же сентябрьские дни, что и работа группы К. Роджерса – Р. Сэнфорд, которая дала старт распространению и развитию ЧЦП в Российской Федерации.

Но возникает вопрос: «А что дальше?». Созвать форум можно, даже можно открыть мемориальную аудиторию и информационно-методический центр им. К. Роджерса, запустить магистерскую программу по человекоцентрированному подходу и даже образовать Российское общество ЧЦП и т. д. Но главным является формирование мышления клиентоцентрированных психологов, развитие их профессиональной идентичности. Как? Это тема отдельного обсуждения.

Возвращаясь к вопросам, поставленным в названии статьи, хочется сказать: «Да, нам необходима клиентоцентрированная психотерапия!»

Однако, с одной стороны, роль КЦП К. Роджерса как за рубежом, так и в нашей стране, с моей точки зрения, сегодня необоснованно занижена. Объяснения вижу в слабой подготовке психологов по данному направлению. Такая подготовка требует особого внимания. Какого? Это тоже тема отдельного обсуждения. Но, прежде всего, она не должна уводить нас от понимания КЦП как, во-первых, самобытного явления в психотерапевтической практике, способного без вспомогательных методов и методик справляться с процессом оказания психологической помощи клиентам, нацеленной на их личностный рост и самореализацию; во-вторых, имеющего свою особую философию видения клиента и его проблем, а также процесса оказания ему психологической помощи.

С другой стороны, решения Форума, образование Российского общества ЧЦП и события, происходившие и происходящие в строе КЦП, обнадеживают. И появление СКПП, и открытие модальности «Клиентоцентрированная психотерапия» в ППЛ, и даже осуществление совместной образовательной трехгодичной программы «Клиентоцентрированная психотерапия» МГППУ и СКПП и др. говорит о том, что КЦП в нашей стране «оживает», в том числе в полемике взглядов.

Но увеличение числа терапевтов этого направления будет первой ошибкой. На начальном этапе необходимо укреплять профессиональное «Я» тех, кто уже сейчас причисляет себя к КЦП. Поэтому разумным считаем создание Российского общества ЧЦП и открытие секции (модальности) «Клиентоцентрированная психотерапия» в ППЛ, членам которых предстоит ещё очень много работы, чтобы консолидировать разрозненное сообщество клиентоцентрированных психотерапевтов. Главное – создать условия для формирования сильной профессиональной идентичности клиентоцентрированных психотерапевтов.

«Что-то происходит», – наверняка сказал бы К. Роджерс, наблюдая процессы, происходящие в России и связанные с развитием КЦП. И это действительно так!

Таким образом, подводя итог, можно сказать, что КЦП К. Роджерса в нашей стране имеет свою историю развития и является самобытным подходом во всем строе психотерапевтической и консультационной теории и практики. Её самобытность заключается, прежде всего, в наличии развёрнутой теории личностного роста и практики его фасилитации. И требуется хорошо выверенная подготовка клиентоцентрированных психотерапевтов, включающая освоение ими теории и философии подхода, её практики, и способствующая развитию их профессиональной идентичности.

Литература:

1. *Архангельская В.В.* Проблема понимания в современной индирективной психотерапии: автореф. дис... канд. психол. наук. – М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, 2005. – 25 с.
2. *Василюк Ф.Е.* Понимающая психотерапия как психотехническая система: автореф. дис... д-ра психол. наук. – М.: МГППУ, 2007. – 48 с.
3. *Виллас М., Боуэн М.* Миф о недирективности: сеанс с Джил [Электронный ресурс] // Экзистенциальная и гуманистическая психология: [сайт]. URL: <http://hpsy.ru/tags/13/> (дата обращения: 25.01.2013).
4. *Гаврилова Т.П., Снегирёва Т.В.* К итогам работы в группах К. Роджерса и Р. Сэнфорд. Сообщение I. Принципы гуманистического общения и опыт освоения их в групповом взаимодействии. // Новые исследования в психологии и возрастной физиологии. – 1989. – № 2. – С. 4-8.
5. *Гиппенрейтер Ю.Б.* Общаться с ребенком. Как? – М.: «МАСС МЕДИА», 1995. – 240 с.
6. *Джоунс С., Батмен Р.* Личностно-центрированная терапия Роджерса // Современные школы психотерапии: комплексная христианская оценка. [Электронный ресурс]. – URL: <http://noelrt.com/> (дата обращения: 24.01.2013).
7. *Ждан А.Н.* История психологии. От античности к современности: учебник для вузов. – М.: Академический Проект; Фонд «Мир», 2007. – 576 с.
8. *Кайль В.* Разъяснение теории личностно-ориентированной психотерапии. [Электронный ресурс]. – URL: <http://hpsy.ru/> (дата обращения: 24.01.2013).
9. *Колпачников В.В.* XI Международный форум по человекоцентрированному подходу Консультативная психология и психотерапия. – 2010. – №2. – С. 208-215.
10. *Колпачников В.В.* Человекоцентрированный подход: современное состояние и перспективы // Московский психотерапевтический журнал. – 2009. – № 1. – С. 141-171.
11. *Кори Д.* Теория и практика группового консультирования. – М.: Изд-во Эксмо, 2003. – 640 с.

12. *Котэ М.* Интервью с Л.А. Петровской // Журнал практического психолога. – 2007. – № 5. – С. 24-40.
13. *Кочарян А.С.* Рефлексия клиентоцентрированной психотерапии // Психотерапия. – 2010. – № 10 (94). – С. 76-80.
14. *Кочюнас Р.* Психологическое консультирование и групповая психотерапия. – М.: Академический Проект, Трикста, 2010. – 464 с.
15. *Криндач В.П.* Ассоциация Гуманистической психологии. Начало разговора // Психологическая газета. – 1997. – № 04.
16. *Кузовкин В.В.* Личностный рост // Большой психологический словарь. – 4-е изд., расширенное / Сост. и общ. ред. Б.Г.Мещеряков, В.П.Зинченко. – М.: АСТ: АСТ МОСКВА; СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2009. – С. 319.
17. *Кузовкин В.В., Медведева Е.С.* Групповая клиентоцентрированная психотерапия как средство преодоления тревожности у людей с пищевой зависимостью / Психология этнокультурного образования: материалы Международной научно-практической конференции. VII Левитовские чтения в Московском государственном областном университете. Москва, 18-19 апреля 2012 г. – М.: Изд-во МГОУ, 2012. – Т.1. – С. 189-197.
18. *Кузовкин В.В.* Некоторые аспекты истории развития клиентоцентрированной психотерапии и консультирования в России // Журнал практического психолога. – 2012. – № 1. – С. 190-209.
19. *Кузовкин В.В.* Психоанализ З. Фрейда и клиентоцентрированная психотерапия К. Роджерса (различия и точки соприкосновения). // Московский психотерапевтический журнал. – 2007. – № 2. – С. 81-105.
20. *Кузовкин В.В.* Психологическая реабилитация военнослужащих-участников боевых действий, уволенных в запас, посредством клиентоцентрированного подхода К. Роджерса // Екатеринбургские чтения III: Сборник. – М.: Изд-во НИЕВ, 2004. – С. 117-119.
21. *Кузовкин В.В.* Проблема личностного роста в консультативной психологии и психотерапии // Психотерапия. – 2011. – № 9. – С. 10-21.
22. *Кузовкин В.В.* Психотехнический подход к активизации личностного роста в подготовке офицеров запаса: дис... канд. психол. наук. – М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, 2003. – 239 с.
23. *Мидор Б., Роджерс К.* Личностно-центрированная терапия [Электронный ресурс] // Журнал практической психологии и психоанализа. – 2002. – № 4. – URL: <http://www.psyjournal.ru/> (дата обращения: 24.01.2013).
24. *Орлов А.Б.* Неделя с Карлом Роджерсом // Орлов А.Б. Психология личности и сущности человека: Парадигмы, проекции, практики: Учеб. пособие для студ. психол. фак. вузов. – М.: Издательский центр «Академия», 2002. – С. 204-208.
25. *Орлов А.Б.* Послесловие научного редактора // Карл Роджерс и его последователи: психотерапия на пороге XXI века. – М.: Когито-Центр, 2005. – С. 306-311.
26. *Орлов А.Б.* Фасилитатор и группа: от интерперсонального к трансперсональному общению. // Московский психотерапевтический журнал. – 1994. – № 2. – С. 7-27.

27. Орлов А.Б. Человекоцентрированный подход в психотерапии: на пути к homo totus [Электронный ресурс]. – М.: Библиотека Центра психологического консультирования ТРИАЛОГ. – URL: www.trialog.ru (дата обращения: 24.01.2013).
28. Орлов А.Б. Человекоцентрированный подход как вариант эссенциальной психотерапии // Тезисы докладов XI Международного Форума по Человекоцентрированному Подходу, Звенигород, 4–10 мая 2010 [Электронный ресурс]. – URL: www.trialog.ru (дата обращения: 24.01.2013).
29. Психология с человеческим лицом: гуманистическая перспектива в постсоветской психологии / Под ред. Д.А. Леонтьева, В.Г. Шур. – М.: Смысл, 1997. – 336 с.
30. Роджерс К. В мире советского профессионала // Мир психологии. – 1996. – №3.
31. Роджерс К. Взгляд на психотерапию. Становление человека. – М.: Издательская группа «Прогресс», «Универс», 1994. – 480 с.
32. Роджерс К. Клиентоцентрированная терапия. – М.: «Рефл-бук», К.: «Ваклер», 1997. – 320 с.
33. Роджерс К. Консультирование и психотерапия: Новейшие подходы в области практической работы: Монография. – М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2000. – 464 с.
34. Роджерс К. О групповой психотерапии. – М.: Гиль-Эстель, 1993. – 225 с.
35. Романин А.Н. Основы психотерапии: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. – М.: Издательский центр «Академия», 1999. – 208 с.
36. Сегрера А. Новая эра для человеко-центрированного подхода в России // Журнал практического психолога. – 2012. – № 1. – С. 5-6.
37. Скоробогатова Н.А. Исследование образа процесса психологического консультирования у психолога-консультанта как элемента его образа мира // Вестник МГОУ. Серия «Психологические науки». – 2009. – № 3. – С. 58-63.
38. Хайгл-Эверс А, Хайгл Ф., Отт Ю., Рюгер У. Базисное руководство по психотерапии. – СПб.: «Восточно-Европейский Институт Психоанализа» совместно с издательством «Речь», 2002. – 784 с.
39. Хаттерер Р. Эклектизм: кризис идентичности человекоцентрированных терапевтов // Карл Роджерс и его последователи: психотерапия на пороге XXI века. – М.: Когито-Центр, 2005. – С. 293-305.
40. Хоббс Н. Группоцентрированная терапия. /Роджерс К. Клиент-центрированная психотерапия. Теория, современная практика и применение. – М.: Психотерапия. – 2007. – 512 с.
41. Хьелл Л., Зиглер Д. Теория личности. – СПб.: Питер, 2010. – 608 с.
42. Community of client-centered psychological consultants & psychotherapists [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.ccpp.ru/> (дата обращения: 24.01.2013).